

УДК: 316.334

*Осіпова С. А., Придністровський державний
університет ім. Т. Г. Шевченка (г. Тирасполь).*

БУХАРЕСТСКИЙ МИРНЫЙ ДОГОВОР 1812 ГОДА: ПОЛИТИЧЕСКИЕ ПОСЛЕДСТВИЯ ФОРМИРОВАНИЯ ЮГО-ЗАПАДНОЙ ГРАНИЦЫ РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ И ИХ ОЦЕНКА В КОНТЕКСТЕ ПОЛИТИЧЕСКИХ ПРОЦЕССОВ НАЧАЛА ХХІ ВЕКА

В статье, оценивая историческое наследие 1812 г., автор высказывает предположение, что политико-правовой опыт российской дипломатии начала XIX в. может в той или иной степени открыть путь к цивилизованному разрешению молдово – приднестровского противоречия, имеющего место на современном этапе истории.

Подписание Бухарестского мира 1812 г. стало самостоятельным этапом формирования новой конфигурации государственной границы на юго-западе Российской империи. С одной стороны, он явился закономерным событием в рамках развития «восточного вопроса», с другой – в событиях 1806-1812 гг. присутствует случай, проявившийся не только в персоналиях участников, но и в хитросплетении имевших место политических фактов, предшествующих и сопутствующих обозначенному событию.

Одним из базовых противоречий в подходах к оценке политико-правовых обоснований приднестровской государственности, сложившихся в политической науке, является вопрос об исторических условиях вхождения территорий Молдовы и Приднестровья в единое государство: представители кишиневской школы считают левобережные районы Днестра неотъемлемой частью Республики Молдова, приднестровские же политологи настаивают на том, что до 1940 г. Приднестровье и Молдова никогда не составляли единого молдавского государства, а образование Молдавской ССР являлось искусственным политическим шагом, вызванным конъюнктурой политического процесса рубежа 1930-1940-х годов. Объективная оценка Бухарестского мира 1812 г. и его последствий во многом может способствовать разрешению обозначенного противоречия.

Что привлекает внимание современного исследователя политических процессов в событиях, имевших место в прудо-днестровском

междуречье начала XIX в.? Прежде всего сама русско-турецкая война 1806-1812 гг., которую, на наш взгляд, необходимо рассматривать не столько как историческое событие, сколько как историко-политический процесс, результатом которого стал новый политический дизайн Северного Причерноморья. Во-вторых, подготовка, ход и процедура подписания Бухарестского мирного договора, которую можно расценивать как особый переговорный процесс. И, наконец, политико-правовая техника исполнения договора как нормативно-правового акта, которой могут позавидовать и современные дипломаты.

Итак, как свидетельствует история, очередная русско-турецкая война, начавшаяся в 1806 г., объяснялась не столько обострением российско-турецких противоречий, сколько напряженными отношениями России с Францией, которая в то время доминировала в Европе и, как следствие, определяла развитие международных отношений. Это означает, что война была развязана не в результате обострения противостояния стран, вступивших в нее, а явилась логическим продолжением политических процессов начала XIX в.

Имперские амбиции Наполеона в числе прочего были направлены и в сторону Османской империи: примером может служить Египетская экспедиция 1798-1801 гг. Однако, несмотря на неудачу, политическая активность Франции относительно Османской империи в начале XIX в. продолжала усиливаться, что серьезно беспокоило российское руководство. Опасения российской дипломатии были вполне оправданы: осенью 1802 г. в Петербург из разных источников стали поступать сведения о подготовке французских войск к высадке на Адриатическое побережье и связях французозов с мятежными турецкими пашами Пазванд-оглу и Али-пашой Янинским, и активизации французских эмиссаров на Нижнем Дунае [2, с. 123].

В подготовленной в августе 1801 г. В.П. Кочубеем – приближенным к императору российским государственным деятелем – записке о взаимоотношениях с иностранными державами, предусматривавшей мирную внешнюю политику России, в частности, говорилось, что «турки и шведы были нашими природными неприятелями, но по своей слабости не могли нам быть опасны, и потому надлежало, оставляя их в нынешнем положении, наблюдать только, чтобы, в случае раздела Турции, Молдавия и Валахия не достались Австрии, а составили отдельное государство» [Цит. по: 3, с. 27]. Зимой 1802 г. в очередной записке Кочубея по вопросам внешней политики в отношении к «турецкому вопросу» он «предлагал оставаться в бездействии». Правда, с оговоркой, что «если бы Франция или Австрия задумали усилиться на счет Турции, то и нам не следовало бы оставаться сложа

руки, и мы могли бы сделать приобретения, которые поставили бы нас в выгодное положение» [Цит. по: 3, с. 28].

Очевидно, что в начале XIX в. Турция не представляла для России ни реальной, ни потенциальной угрозы. Однако Османская империя несла разрушительный потенциал для своих провинций, а российское вмешательство позволило стабилизировать ситуацию в Дунайских княжествах. Примером может служить набег на Валахию видинского мятежного пашы Пазванд-оглу, который так сильно напугал жителей княжества, что они в июне 1802 г. обратились к российскому генеральному консулу В.Ф. Малиновскому с просьбой «или предаться в подданство России, или под непосредственною ее защитою самим управлять своею землею на прежних ее правах» [1, т. 1, с. 237]. В этих условиях Александр I предписал российской дипломатической службе в Стамбуле довести до сведения султана, что русские войска могли бы быть посланы за Дунай и изгнать из Валахии войска мятежников.

Нельзя не согласиться с мнением профессора В. Я. Гросула о том, что в русско-турецких отношениях на стыке двух веков прослеживаются две основные тенденции. Одна из них заключалась в сотрудничестве двух государств, она прослеживается по русско-турецкому союзу 1799 г., соглашению о статусе Молдавии и Валахии 1802 г., договору 1805 г. Другая стала отражением все усиливавшихся противоречий, во многом в связи с тем, что Порта, понимая все возрастающую силу наполеоновской Франции и желая оградить империю от ее ударов, пыталась найти общий язык с представителями французской дипломатии и, вообще, с руководящими кругами Франции [3, с. 29].

Обострению ситуации способствовал Пресбургский мир 1805 г., подписанный после поражения союзных войск под Аустерлицем и приведший к распаду третьей антинаполеоновской коалиции и усилению позиций наполеоновской Франции на Западных Балканах. Документ явствовал, что Наполеон не ограничится закрепленными в нем положениями, а будет добиваться дальнейшего проникновения в другие регионы Юго-Восточной Европы. Для реализации этих планов в 1804 г. Франция заявила о необходимости сближения с Турцией, которая на это предложение ответила согласием. И это при том, что существующий с 1799 г. русско-турецкий союзный договор сама Турция пролонгировала в 1804 г. В августе 1806 г. в Стамбул прибыл французский генерал Г.Ф.-Б. Себастиани, который, в соответствии с полученными от французского руководства предписаниями, повел политику, направленную на обострение русско-турецких отношений.. В сложившихся условиях, стремясь не допустить Турцию к захвату выгодных для нее стратегических позиций, 16 (28) октября 1806 г.

Александр I приказал занять Молдавию и Валахию. Новая русско-турецкая война началась практически без официального объявления, а уже к началу 1807 г. на левом берегу Дуная в руках турок осталось лишь три крепости – Измаильская, Джурджевская и Браиловская. И при всем этом русское командование всячески стремилось показать, что его войска прибыли сюда не для завоеваний. И хотя, действительно, первоначально российское правительство открыто не ставило перед собой цели присоединения каких-либо новых территорий на юго-западе страны, имелись довольно авторитетные в российской внешней политике силы, настаивавшие на этом.

Урегулирование русско-турецких отношений предусматривал и Тильзитский мир, заключенный между Россией и Францией 25 июня 1807 г. Заключение договора рассматривалось Парижем как средство укрепления новой европейской политической архитектуры, что влекло признание легитимности уже произошедших и возможных территориальных изменений на континенте. По замыслу Наполеона, положения договора должны были отвернуть Россию от прежних союзников и направить ее внешнюю политику в сторону сближения с Францией. Ст. 22 и 23 Тильзитского мира предписывали вывод русских войск из княжеств, но таким образом, чтобы турки не могли в них вступить до подтверждения мира, и предусматривали посредничество Франции для заключения мира: «Франция обязывается действовать заодно с Россией против Оттоманской Порты и обе договаривающиеся стороны условятся, чтобы изъять из-под турецкого ига и притеснения все провинции европейской Турции за исключением Румелии и Константинополя» [1, т. 3, с. 631-642]. Эта часть договора была секретной и по существу означала план раздела Османской империи между Россией и Францией, именно она наложила сильнейший отпечаток на отношения России с Турцией на заключительном этапе войны.

Летом 1807 г. до сведения турецкого правительства было доведено, что вывод русских войск из Молдавии и Валахии будет осуществлен лишь при посредничестве Франции в русско-турецких переговорах и в том случае, если турки выведут на время этих переговоров свои войска из Валахии и не займут Молдавию. Именно на указанных условиях Россия была готова подписать мирный договор. Мир, однако, так и не был подписан, а в августе 1807 г. вступило в силу Слободзейское перемирие, в соответствии со ст. 3 которого Россия должна была вывести свои войска из княжеств. В условиях перемирия турки, нарушая договор, на территориях, оставленных русскими войсками, стали вводить свое управление, сопровождаемое грабежами и убийствами. В связи с этим уже в сентябре 1807 г. новому командующему Молдавской

армией А.А. Прозоровскому предписывалось под любыми предлогами медлить с выводом русских войск из Валахии и Молдавии. Турция готовилась к дальнейшей борьбе, а царь добивался согласия Наполеона на захват Молдавии и Валахии. Заручившись таким согласием во время Эрфуртского свидания 1808 г., Александр I предъявил Порте требование уступить России Дунайские княжества и провозгласить независимость Сербии. Так как Турция отказалась, война в 1809 г. возобновилась.

Это означало, что после Тильзита судьба Молдавии и Валахии решалась не на переговорах между Россией и Турцией, а в процессе дипломатических отношений России и Франции. В течение нескольких лет между французскими и русскими представителями шел настоящий торг, в процессе которого должна была решиться судьба Дунайских княжеств, а также ряда других европейских земель. Наверное, в связи с изложенным можно провести аналогии с современными политическими процессами: в терминологии XXI в. события 200-летней давности можно назвать «переговорным процессом по урегулированию конфликта». Наполеон увязывал решение молдавско-валашских дел с уступками России в Пруссии, затем предъявил претензии на Дарданеллы, на что Россия никак не могла согласиться. Далее Наполеон выдвинул требования территориального удовлетворения Австрии, и начался торг в новом направлении. Каждый раз появлялись новые комбинации, а в Петербург шли депеши одна тревожнее другой. Со временем стала очевидна бесперспективность союза с Наполеоном, обещания которого никогда бы не были выполнены, что поставило в повестку дня вопрос о скорейшем заключении мира с Турцией. Этому способствовали донесения из Парижа, удостоверявшие согласие императора Наполеона на присоединение к России Молдавского и Валашского княжеств.

Относительно других европейских государств, с уверенностью можно утверждать, что они были скорее согласны с изменением юго-западных границ России, чем нет. К примеру, о позиции Австрии свидетельствует письмо министра иностранных дел графа Н. П. Румянцева послу России в Вене А. Б. Куракину в июне 1808 г., в котором дается ссылка на венский двор, который «близок даже к мысли помочь нам получить Молдавию и Валахию, если мы согласимся владеть этими провинциями на условиях некоторой модальности» [1, т. 4, с. 390]. Скорее всего, и Англия согласилась бы на подобное приобретение России при условии ее разрыва с Францией. Условия европейскими государствами, конечно, выставлялись, но ни одно из европейских правительств не высказалось категорически против

перенесения русской границы в районах Нижнего Дуная. Значит, оставалась задача, склонить к заключению мира Порту, которую те же правительства тайно противопоставляли России.

Первоначально граница по Дунаю называлась непременным условием переговоров с Портой. В феврале 1809 г. Александр I, отмечая затяжку мирных переговоров турецкой стороной, предписывал А.А. Прозоровскому начать военные действия, несмотря на трудности, которые может породить зимняя кампания.

Новый этап переговорного процесса начался весной 1811 г., когда командующим Молдавской армией был назначен М.И. Кутузов. Этот этап по праву можно назвать «кутузовским»: выдающемуся российскому полководцу и дипломату было суждено завершить затянувшийся русско-турецкий конфликт и добиться долгожданного мира.

Принудить турок к мирным переговорам удалось в начале октября 1811 г. в результате одержанных М.И. Кутузовым летом и осенью этого года блестящих побед под Рушуком и Слободзеей. В начале октября этого года руководство Турции предложило русскому командованию пойти на переговоры. Первоначально Турция пыталась уступить России только Хотин с округою или возмещение определенных издержек России на войну, но М.И. Кутузов категорически отказался пойти на подобные условия, сославшись на предписание Александра I, положить границею Российской империи Дунай. Через несколько дней турецкие представители дополнили список территорий, на которые могла бы претендовать Россия, в него вошли не только Хотин, но и Бендеры, Аккерман, Каушаны, т. е. Бессарабия до Прута. Это было существенной уступкой со стороны турок.

Россия хотела мира, так как весьма реальной была перспектива начала войны с наполеоновской Францией. Пытаясь оказать давление на султана, М.И. Кутузов 25 ноября 1811 г. пленил 12 тыс. турок, окруженных на левом берегу Дуная, разоружил их и оставил на зимовку в Валахии. Сам же он перебрался в Бухарест, где продолжились пока еще безуспешные переговоры. Имеются подтверждения, что в это же самое время Наполеон, подстрекавший турок к несогласию с русскими предложениями, обещал австрийцам Молдавию, Валахию и устье Дуная, пытаясь тем самым перед походом на Россию привязать к себе Австрию. Вместе с тем, Наполеон стремился вовлечь в свой поход на Россию и Турцию [3, с. 45].

Таким образом, политическая ситуация, сложившаяся к началу 1812 г. была для России весьма и весьма непростой: Пришлось возобновить военные действия, имея в своем распоряжении значительно уменьшенную армию даже по сравнению с началом 1811 г. Чтобы как-то воздейство-

вать на турок русское командование поручило генерал-губернатору Новороссии Э. И. Ришелье начать подготовку к десанту русских войск в Стамбул. Но в апреле 1812 г. подготовка к экспедиции прекратилась в связи с начавшейся в Стамбуле чумой, и вновь была предпринята попытка к возобновлению дипломатических переговоров.

По мнению В. Я. Гросула, причин возобновления переговоров было несколько. Они объяснялись, по-видимому, и тем, что турецкие представители почувствовали согласие русских пойти на некоторые уступки, и тяжелым положением Османской империи, и слухами о франко-австрийском сближении, и боязнью Наполеона, и деятельностью английской дипломатии, в частности, английского посла С. Каннинга – впоследствии активно боровшегося против российских интересов на Балканах, а в 1812 г. все делавшего ради заключения мира Турции с Россией и освобождения последней для борьбы с грозным противником Англии – Наполеоном. В литературе отмечается и роль шведских дипломатов, которые сообщили турецкой стороне, что Наполеон после заключения мира с Россией намеревается захватить Константинополь и затем направить свои войска в Иран [3, с. 46-47].

Трактат о мире между Россией и Турцией, заключенный в Бухаресте 16 (28) мая 1812 г., состоял из 16 статей, часть которых была посвящена вопросам, связанным с установлением новой границы Российской империи по р. Прут и положением Дунайских княжеств: «границу между двумя империями будет составлять река Прут, начиная от его истоков в Молдавии до впадения в него реки Прут до Килийского устья и до моря...» [1, т. 4, с. 412-416].

Подписание мирного договора в Бухаресте еще не означало, что трудностям в русско-турецких отношениях был положен конец. Важно было обеспечить своевременную ратификацию договора, поскольку султан чинил этому процессу всяческие препятствия. Александр I ратифицировал договор 11 июня, за день до вторжения Наполеона в Россию, султан же продолжал проводить выжидательную политику и ратифицировал договор лишь в июле 1812 г. Мир был весьма желанным и заметно поднял дух русских войск, выступивших против наполеоновской армии, кроме того, была освобождена от войны с Турцией и направлена для борьбы с Наполеоном Молдавская армия.

В период Венского конгресса 1814-1815 гг. турецкая сторона пыталась склонить европейские державы к пересмотру Бухарестского мира и вернуть присоединенные по этому миру к России земли. Но европейские державы не поддержали эти требования Порты и тем самым признали правомерность присоединения к России прутодноднестровского междуречья.

На землях между Днестром и Прутом, вошедших в состав Российской империи в соответствии с бухарестскими договоренностями, в 1813 г. была учреждена Бессарабская область в составе России, обладающая определенной автономией, жизнедеятельность которой определялась сначала «Правилами временного правления Бессарабии» 1813 г., а затем «Уставом образования Бессарабской области» 1818 г., которые можно квалифицировать как своеобразные конституционные уложения этого края. Бессарабия оказалась в системе более развитого цивилизационного пространства России, что не замедлило сказаться на ускорении темпов социально-экономического, политического и культурного развития на ее территории, в сравнительно короткий период времени Бессарабии удалось преодолеть последствия, связанные не только с разрушительной русско-турецкой войной, но и с многовековым турецким игом.

К сожалению, не все современные трактовки исследуемых событий характеризуются научной и исторической объективностью. Однако, основываясь на изложенном, можно предположить, что политико-правовой опыт российской дипломатии начала XIX в. может в той или иной степени открыть путь к цивилизованному разрешению молдо-приднестровского противоречия, имеющего место на современном этапе истории.

Бibliографический список

1. Внешняя политика России XIX и начала XX века. Документы Российского министерства иностранных дел. В 8 т. Т.Т. 1, 3, 4. – М. : Политиздат, 1957-1977.
2. Грачев В. П. Балканские владения Османской империи на рубеже XVIII-XIX вв. / В. П. Грачев. – М. : Наука, 1990.
3. Гросул В. Бухарестский мир 1812 г. и формирование новой юго-западной границы России / В. Гросул // Русин. – 2012. – № 1 (27). – С. 27-61.

У статті, оцінюючи історичну спадщину 1812 р., автор висловлює припущення, що політико-правовий досвід російської дипломатії початку XIX ст. може тією чи іншою мірою відкрити шлях до цивілізованого розв'язання молдово-придністрівського протиріччя, що має місце на сучасному етапі історії.

The article contains political analysis of signing Treaty of Bucharest (1812) for the purpose of expose successful Russian diplomatic experience. This enabled author to try to apply this experience in XXI-st century political conditions. In this research of Russo-Turkish War (1806-1812) and Treaty of Bucharest (1812) author uses modern political science terms.